КРУШЕНІЕ БОЛЬШАГО КОНВОЯ СУДОВЪ.

Англійскій фрегатъ Аполлонъ, капитанъ Диксонъ, съ цѣлымъ конвоемъ, до 70 купецкихъ судовъ и еще съ другимъ фрегатомъ, вышелъ 26–го Марта 1804 года изъ своего порта Корка и направилъ путь по Атлантическому океану.

1–го Апрѣля сильный ЭW сталъ крѣпчать и переходить въ штормъ; на фрегатѣ изорвало одинъ парусъ за другимъ, шли подъ однимъ фокомъ и штормовыми стакселями. По счисленію, фрегатъ считалъ себя далеко въ открытомъ морѣ; но въ ночи на 3 число вдругъ ударился о мель.

Ночь, потемки, штормъ и страшное волненіе, съ прибоемъ къ мели; отъ нѣсколькихъ ударовъ показалась течь ливмя; не успѣли опамятоваться, какъ фрегатъ перекинуло черезъ мель, но руль оторвало. Привели фрегатъ одними парусами на фордевиндъ, пустивъ въ ходъ всѣ помпы — но волненіе уже стало перекатываться черезъ палубу и заливать

судно. Со всѣхъ концовъ закричали, что фрегатъ тонетъ — весь трюмъ и кубрикъ былъ уже наполненъ водой — но въ тоже время онъ снова ударился и опять сталъ на мель.

Фрегатъ продолжало колотить объ мель, такъ, что едва можно было устоять на ногахъ; всѣ только того и чаяли, что вотъ–вотъ весь развалится и распадется. Обрубили талрепы и мачты упали на лѣвый бортъ; фрегатъ все еще колотило, несло по мели къ берегу и сверху заливало; затѣмъ положило его на правый бокъ, затопивъ шкафутъ; всѣ орудія праваго лага были подъ водой, а съ лѣвой стороны большую часть ихъ оторвало, когда повалило фрегатъ, и перекинуло на правую–жъ сторону. Однако изъ четырехъ пушекъ, оставшихся съ лѣвой стороны на шканцахъ, успѣли выпалить, хотя и безъ пользы: весь конвой судовъ бѣдствовалъ и помощи подать было некому.

Въ палубѣ выломало переборки, затопило каюты и обломки носились взадъ и впередъ, побивая людей. Кто порывался

вытти на верхъ, того первой волной опять скидывало съ трапа. Почти весь экипажъ столпился на лѣвыхъ шканцахъ и гротъ–русленяхъ; надо было крѣпко держаться зачто ни будь руками и ногами, чтобы не снесло волненіемъ; командиръ, почти раздѣтый, держался за обломокъ бизань–мачты, утѣшая и ободряя команду.

Со свѣтомъ плоскій берегъ открылся въ двухъ кабельтовыхъ; это былъ берегъ Португальскій, у мыса Мондего. До 30–ти судовъ изъ конвоя также стояли на мели, были выброшены и заливаемы волной. Какъ ни близокъ былъ берегъ, но мало было надежды вытти на него: прибой былъ слишкомъ силенъ, а гребныя суда съ фрегата всѣ снесло и изломало.

Фрегатъ сталъ погружаться кормой; его весь раздергало, и потому капитанъ, опасаясь чтобы онъ не переломился во все, приказалъ переходить на бакъ. Какъ ни трудно было это исполнить, и хотя не всякій матросъ понималъ, для чего это дѣлается, — но обычный порядокъ и повиновеніе даже въ минуту общей гибели

удержались; всѣ старались исполнить, какъ могли, приказаніе капитана: вслѣдъ за тѣмъ фрегатъ переломило посрединѣ на двое и кормовая часть затонула. На ней не было бы никому спасенія. Всѣ столпились на форъ–русленяхъ, на баковомъ бортѣ, по бушприту. Тутъ было болѣе 200 человѣкъ.

При неминуемой гибели, капитанъ дозволилъ спасаться. Артиллерійскій офицеръ первый рѣшился пуститься вплавь къ берегу, но утонулъ въ виду всѣхъ. За нимъ одинъ лейтенантъ, лекарь, фельдшеръ, подштурманъ и нѣсколько матросовъ всѣ пошли тудаже. Прибой былъ слишкомъ сильный. Но это не устрашило другихъ — стали пускаться къ берегу на доскахъ, съ обломками рангоута, и лейтенантъ Гарвей и до 30–ти нижнихъ чиновъ благополучно вышли на берегъ.

Штормъ все еще длился, каждая волна обливала бѣдствующихъ; погода стояла холодная. Въ ночи на 3–е люди, кто былъ по слабѣе, стали коченѣть и сваливаться въ море. Эта участь постигла и двухъ молодыхъ мичмановъ. Около полудни лейт.

Гарвей явился на берегу съ народомъ, для помощи; но при всякой попыткѣ ихъ спустить лодку, ее выбрасывало и перекидывало вмѣстѣ съ людьми. Нѣсколько человѣкъ на фрегатѣ связали плотъ изъ обломковъ — но ихъ въ глазахъ экипажа унесло не къ берегу, а въ открытое море. Холодъ, голодъ, изнуреніе силъ, довели команду до того, что она при каждомъ ударѣ части фрегатскаго остова о мель, ожидала послѣдней минуты. Палуба бака стояла отвѣсно, остовъ лежалъ на правомъ боку; на лѣвой сторонѣ висѣла вся тяжесть пушекъ и двухъ якорей, но ихъ, по тѣснотѣ, нельзя было обрубить: тутъ оставалось еще почти одинъ на другомъ, до 150 человѣкъ.

Штормъ крѣпчалъ, порывы его съ дождемъ набѣгали, волненіе ходило черезъ бѣдствующихъ; остовъ грозилъ разсыпаться. Многіе погибли въ эту ночь, на 4–е Апрѣля, а со свѣтомъ еще человѣкъ 15 достигли берега, на разныхъ обломкахъ.

Наконецъ 4–го послѣ полудня насталъ часъ искупленія: лейт. Гарвею удалось

спустить лодку, при смягчившемся вѣтрѣ, и мало по малу вся оставшаяся команда была перевезена на берегъ. Несчастный командиръ погибъ уже прежде.

Но и тутъ еще не пришелъ конецъ бѣдствія, покрайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не послушался умныхъ совѣтовъ: почти четверо сутокъ протомились люди голодомъ и жаждой; на берегу встрѣтили ихъ пищей и къ несчастію также водкой; кто поѣлъ и попилъ неосторожно, послѣ этого поста, тотъ умиралъ, и многіе такимъ образомъ погибли, будучи уже спасены.

Оказалось, что до 30–ти судовъ изъ конвоя также были разбиты; ихъ большею частію выкидывало ближе къ берегу, людямъ легче было спасаться чѣмъ съ фрегата; но и тамъ много людей погибло, а нѣсколько судовъ затопило на глубинѣ. На фрегатѣ изъ 240 человѣкъ погибло 61.